

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

ОТВЕТ UNITÀ ITALIANА

Михаил Бакунин

Михаил Бакунин
ОТВЕТ UNITÀ ITALIANА
начало сентября - начало октября 1871

IISG, Gazzettino Rosa, № 282-283, 10-11 octobre 1871, Milan

ru.anarchistlibraries.net

начало сентября - начало октября 1871

Оглавление

ОТВЕТ UNITÀ ITALIANА	5
Предисловие Джеймса Гильома	6
I	9
II	12
III	17

почтительно удаляюсь. Я буду продолжать читать его, но не стану отвечать, пока он не заменит свой гневный сарказм и драматические восклицания серьезными аргументами, основанными на фактах.

ОТВЕТ *UNITÀ ITALIANA*

Предисловие Джеймса Гильома

Данная работа Бакунина содержится в последнем шестом томе «Собрания Сочинений Бакунина» на французском языке. Среди работ, подходящих по духу этой, также значатся в этом томе, уже переведенные на русский «Ответ одного интернационалиста Мадзини» (правда, без приложения Саверио Фрисчии «Интернационал и Мадзини»), который является лишь предисловием к работе «Политическая теология Мадзини и Интернационал», которая была опубликована при жизни Бакунина и «Послание моим Итальянским друзьям по поводу рабочего съезда, созданного в Риме на 1 ноября 1871 г. Мадзинистской партией». – переводчик «Ответа *Unità Italiana*».

Сразу же после появления в «Gazzettino Rosa» от 14 августа 1871 года «Risposta d'un Internazionale a Mazzini» один мадзинист, вероятно Бруско Оннис, взял на себя смелость ответить дерзкому иностранцу, который только что так откровенно изложил свою позицию оскорбителю Коммуны и Интернационала и который осмелился заявить, что намерен доказать против него несуществование Бога. Первая часть этого ответа, озаглавленного «*Un maestro della Russia*» («Маэстро из России»), появилась в № 219 (26 августа) «*Unità Italiana*», мадзинистского еженедельника, издаваемого в Милане. Мне не удалось получить эту газету, но отрывок из «*Ответа "Unità Italiana"*» (см. ниже, III

естественным и законным, с ее богословско-гуманитарной точки зрения, ее гнев на мой философский царизм и мое татарское и казацкое происхождение. Но зачем приписывать мне слова, которые никогда не выходили из моих уст или из-под моего пера? Где она видит, что я обвинил Мадзини в клевете и проклятиях в адрес французского народа?

Во всех сочинениях Мадзини я вполне мог бы заметить весьма заметное отвращение к французской нации в целом, которую он, кажется, не может простить за то, что она на время узурпировала инициативу, которая, по его глубокому убеждению, основанному на пророчестве Данте, должна принадлежать исключительно Италии, не народной, а мадзинистской, то есть Церкви-Государству Мадзини. Вполне вероятно, что я еще вернусь к этому вопросу, но в своей первой статье [от 14 августа] я не сказал о нем ни слова. Я говорил о гневе Мадзини не против французского народа в целом, а против рабочих Парижа, которые восстали в июне 1848 года и которые этим памятным и плодотворным восстанием, хотя и потерпевшим поражение, открыли эру социальных революций; И я сказал, что Мадзини проклял это движение и оклеветал рабочих, которые были его героями и мучениками, точно так же, как сегодня он оклеветал и проклял движение, героев и благородных мучеников Парижской коммуны.

Unità Italiana бросила мне вызов и попросила привести хоть одно доказательство. Что ж, я принимаю вызов! Я приведу не один, а несколько документов в поддержку этого положительного утверждения. Однако, поскольку в настоящее время я располагаю лишь очень небольшой частью трудов Мадзини, я прошу *Unità italiana* дать мне немного времени, и я могу заверить их, что они ничего не потеряют, если подождут.

После этого ответа, который я счел необходимым дать строгому и благочестивому мадзинистскому журналу, я

Литтре, нынешнего представителя позитивной философии Огюста Конта¹.

Я не оскорблю *«Unità Italiana»*, если предположу, что она серьезно относится к этим недомолвкам ученого ученика Конта. Если бы редакторы этого честного, но слепого журнала хоть немного внимательно читали труды Литтре, они бы убедились, что прославленный академик – материалист, глубоко и научно убежденный атеист. Зачем же тогда эти двусмысленные заявления и лазейки, которые, на мой взгляд, недостойны ума, преданного культу истины, и которые, очевидно, не имеют иной цели, кроме как оставить в состоянии неопределенности тех малопроницательных людей, которые их читают? Это объясняется тем, что господина Литтре можно считать главой аристократической школы. Французские позитивисты, верные в этом заветам Огюста Конта, своего учителя, явно стремятся сформировать другую аристократию, которая, на мой взгляд, была бы самой отвратительной, самой наглой, самой вредной из всех: аристократию интеллекта и науки, научную касту, которая, организовавшись во власть ума, претендовала бы на управление, в согласии с банкирами, представителями и директорами мирской власти, богословствующими массами. Легко понять, что с такими претензиями позитивисты обязательно должны думать, что *не все истины хороши для того, чтобы говорить их народу*.

Я, революционный социалист и заклятый враг всех аристократий, всей опеки, всех опекунов, напротив, считаю, что мы должны рассказать народу все, потому что только так можно добиться его быстрого и полного освобождения.

Еще одно слово, чтобы закончить этот разговор, возможно, последний, с *«Unità Italiana»*. Я нахожу совершенно

часть статьи), а также следующий отрывок из письма, написанного Бакуниным 29 августа в редакцию брюссельской *«Liberté»*, говорят нам об одном из пунктов статьи миланского журналиста:

«...А теперь большая молитва, дорогие товарищи... *Unità Italiana* в своем № 219 от 26 августа (который я также посылаю вам), как я и ожидал, открыла огонь против меня. Она отрицает, что Мадзини когда-либо проклинал и клеветал на восставших рабочих июня, и требует от меня доказательств того, что он это делал. Теперь я уверен в своих фактах, но поскольку у меня нет под рукой ни трудов Мадзини, ни всех его прокламаций, я не могу ответить, а поскольку я нахожусь здесь, в глубинке, я не могу ни с кем посоветоваться. Вы живете не в глубинке, в вашем распоряжении огромные библиотеки. Кроме того, наш друг Робен сказал мне, что среди вас есть люди, которые все знают и все помнят. Поэтому окажите мне большую услугу. В одном из ближайших номеров вашей газеты ответьте на вызов, брошенный мне редакторами *Unità Italiana*; ответьте, опираясь на факты и цитируя слова самого Мадзини. Если, наконец, вы не найдете их у себя, попросите их у Маркса, не от моего имени, а от вашего; у ненавистного Маркса всегда хорошая память, и он, конечно,помнит все, что может принести вред Мадзини... Все это дело гораздо важнее, чем вы, возможно, думаете; ибо хотя Мадзини перестал быть политической силой, он все еще пользуется огромным авторитетом во мнении, в умонастроениях итальянской молодежи, и, чтобы успешно бороться с ним, нужно всегда иметь под рукой факты»¹.

¹ В оригинале здесь далее написано «продолжение следует».

¹ Цитируется Максом Неттлау в его *«Biographie de Bakounine»*, примечание 2844. Я не знаю, публиковала ли газета *Liberté* что-либо на эту тему.

Остальная часть и конец ответа мадзинистского журналиста появились в двух других номерах *Unità Italiana*, № 222 (16 сентября) и № 225 (6 октября). Как только Бакунин получил последнюю из этих трех статей, он отправил в газету *Gazzettino Rosa* свою *Risposta all' Unità Italiana*, несомненно, уже начатую в предыдущем месяце. Его запись в дневнике за 6 октября гласит: «Послал Сирико² письмо и „Risposta all' Unità Italiana“». Перевод «Ответа» Бакунина, как и «Ответа Интернационалиста», вероятно, был выполнен Эмилио Беллерио.

Эта новая *Risposta* появилась в качестве приложения к номерам *Gazzettino Rosa* от 10, 11 и 12 октября 1871 года. Я получил любезное разрешение гражданина Луиджи Молинари сделать копию в миланской библиотеке Брера, и именно на основе этой копии я перевел текст Бакунина с итальянского на французский, французского оригинала которого больше не существует³.

Мы увидим, что ответ Бакунина дает читателю достаточно информации о содержании статей в *Unità Italiana*.

Труд написан в начале сентября - начале октября 1871 в Локарно (Швейцария), опубликован на итальянском в Gazzettino Rosa, № 282-283, 10-11 octobre 1871, Milan

² Я не знаю, к какому итальянскому другу относится этот псевдоним. – Дж. Г.

³ Макс Неттлау нашел несколько страниц черновика «Ответа *Unità Italiana*»; в некоторых местах он значительно отличается от текста, принятого автором, а в других совпадает с текстом, напечатанным *Gazzettino Rosa*. Этот черновой вариант, который был у меня перед глазами при переводе итальянской версии на французский, позволил мне найти оригинальные выражения Бакунина в нескольких местах и, таким образом, придать моему переводу большую верность. Но я не счел нужным печатать здесь этот черновик, который дублировал бы окончательный текст. – Дж. Г.

III

Есть только два эффективных средства против религиозной мономании, одно теоретическое, другое практическое: первое – положительная наука с ее суровым методом, не допускающим иного синтеза, кроме того, который основан на анализе, наблюдении и опыте; второе, вполне практическое, состоит в том, чтобы как можно чаще прививать ум и сердце ориентироваться на разум и на реальные интересы масс. Есть и третье средство, еще более эффективное, чем первое: *революция*.

Похоже, что *«Unità Italiana»* никогда не приходилось использовать ни одно из этих трех средств. Поэтому она может с гордостью повторить слова Тертулиана:

«Credo quia absurdum»

«Верю, ибо абсурд»; и еще можно добавить: «Чем абсурднее вещь, тем больше я в нее верю!». Это, собственно, и есть главная основа, практическое и необходимое условие любого искреннего и пламенного богословия. Теологическая страсть – это культ, поклонение, безумие абсурда. Стоит ли удивляться, что одного луча чистой истины, простого повторения арифметической аксиомы о том, что дважды два четыре, достаточно, чтобы привести в ярость всех искренних теологов?

Я не сомневаюсь в искренности *Unità Italiana* и от всего сердца прощаю ей оскорблений и гнев, ее выпады против того, что она называет моим «философским царизмом», сравнивая его со скромными колебаниями и скорее осторожной, чем искренней сдержанностью прославленного

и средств, которыми он располагает, Семью, Отечество, Человечество: Семья – алтарь Отечества; Отечество – святилище Человечества; Человечество – часть Вселенной и храм, воздвигнутый Богу, Который создал его, чтобы оно тяготело к Нему; Долг, требующий от нас поощрять прогресс других, чтобы мы могли добиться собственного прогресса, и своим прогрессом помогать прогрессу других; Долг, без которого нет Права и который порождает добродетель жертвенности, единственное по-настоящему действенное и священное доказательство, самое великолепное, которое венчает человеческую душу, освящая ее.

И, наконец, мы верим не в нынешнюю догму, а в религиозное проявление, основанное на вышеуказанных принципах, которое возникнет в свое время по инициативе истинно свободного и верующего народа, возможно, из Рима, если Рим поймет свою собственную миссию, и которое, собрав часть истины, уже завоеванную предыдущими религиями, откроет другую часть, и, задушив в своих зародышах все привилегии, всю кастовую нетерпимость, откроет путь к будущему Прогрессу».

Фух! Какой удар! Ни один дьявол не устоит перед таким экзорцизмом, и я признаюсь, что волосы встают дыбом каждый раз, когда я слышу, как излагается столь логичная череда колоссальных абсурдов. И думать о том, что в середине XIX века такой великий ум, как ум Мадзини, мог изобрести это и довольствоваться этим, – значит отчаяваться в человечестве, не правда ли?

I

Unità Italiana (№ 219, 222, 225), которая, как и следовало ожидать, яростно встала на защиту доктрин своего хозяина, только что сделала великое открытие.

Она утверждает, что материалистическая и атеистическая доктрина, сторонником которой я себя с большой ошибкой объявляю, исключает полезность, возможность и, наконец, саму идею образования. Чтобы быть последовательным, «*Unità Italiana*» должна была бы добавить, что эта профаническая доктрина также исключает идею и возможность роста и развития естественных вещей, и что без постоянного вмешательства Бога животные, например, не могли бы расти, размножаться, развивать особые способности своего организма; что семена растений никогда не могли бы превратиться в растение, а растение – в листья, цветы и плоды, и что мир вообще, лишенный организации, порядка и законов, не мог бы существовать. И все же позитивная наука учит, что естественное развитие органического, растительного и животного мира составляет естественное образование этого мира, так же как история, то есть естественное и фатальное развитие человеческого общества, составляет образование людей как коллективное, так и индивидуальное; и что все системы индивидуального образования, известные и неизвестные, являются и могут быть только отражениями, последствиями и различными приложениями этого широкого коллективного образования, которое называется историей.

То, что мы отрицаем, – это не образование человеческого рода; напротив, именно на нем мы основываем все наши надежды.

Она дает нам уверенность в победе именно потому, что она не сводится к работе нескольких более или менее вдохновенных личностей, людей гениальных, коронованных добродетелью, которые считают, что получили свою миссию свыше, но потому, что она совершается по роковой логике фактов, в результате естественного и необходимого развития общества, развития, в котором вдохновленные не сверху, а снизу личности являются лишь более или менее сознательными, более или менее мыслящими инструментами.

Мы отрицаем вмешательство Бога в это образование, так же как мы отрицаем вмешательство Бога в движение и естественное развитие миров. Весь вопрос всегда сводится к этому. Наши оппоненты утверждают, что без Бога не могло бы быть ни образования, ни развития, ни мира, а мы, напротив, утверждаем, что все это не могло бы существовать с Богом. Именно это¹ я и взялся продемонстрировать.

Unità Italiana и многие другие люди, как мне сообщали из Италии, были удивлены той смелостью, с которой я публично изложил эти принципы. Позвольте мне в свою очередь выразить удивление, что откровенное изложение таких истинных, простых и спасительных принципов могло произвести такой эффект. Неужели мы действительно верим, что их так трудно доказать? Если и есть какая-то трудность, то она заключается только в следующем:

Очевидно, есть определенное смущение в том, чтобы продемонстрировать людям, что дважды два четыре, и заставить их понять, что в большинстве их рассуждений дважды два равны пяти. Я почти сомневаюсь, что «*Unità*

рефлексия, хоронящая себя в прошлом. Не способная понимать и говорить живые слова, она будет бредить, как *Unità Italiana*.

Бедная *Unità*! Она была так напугана этим простым изложением принципов, которые сегодня несут миру угрозу, что, несомненно, полагая, что явился дьявол, начала декламировать, в порядке экзорцизма, символ не Никейского собора, а новой мадзинистской церкви:

«Мы верим в Бога, Отца, Разум и Любовь, Творца и Воспитателя человечества;

В провиденциальный закон, данный Им жизни, закон неограниченного прогресса, основанный на наших делах и измеряемый ими;

В человечество, единственного толкователя Божьего закона на земле;

В единство жизни, которое, как мы верим, было замечено философией последних двух столетий;

В единство закона как для коллективных, так и для индивидуальных проявлений жизни;

В бессмертие Я, которое есть не что иное, как применение закона прогресса, ныне неопровергимо выявленного исторической традицией, наукой и стремлениями души к жизни, проявляющейся в индивидууме;

В свободу, без которой не может быть ни ответственности, ни совести, ни заслуги прогресса;

В единство человеческого рода и в моральной законности всех детей Божьих, без различия пола, цвета кожи или состояния, которая может быть прервана только по вине»;

И, следовательно:

«В святую и господствующую идею долга, единственного правила жизни: долга, который охватывает для каждого человека, в зависимости от сферы, в которой он находится,

¹ См. «Ответ одного интернационалиста Мадзини».

причины, они размахивают руками, закатывают глаза, поднимают их к небу и кричат от удивления, боли, гнева и возмущения? Такая система может быть очень драматичной, но уж точно не разумной. Первый аргумент против меня – это то, что я русский! – Это факт, который я могу сильно осуждать, но что я могу с этим поделать? Изменить национальность невозможно¹.

В этом невольном и непоправимом позоре меня утешает одна мысль.

Предположим, я был бы итальянцем, исповедующим религию Мадзини, и в этом качестве постоянным редактором «Unità Italiana»: был бы я тогда более правдивым, более разумным, более справедливым, более сочувствующим итальянской молодежи и более глубоко преданным святому делу *действительного* освобождения народа? Думаю, что нет; но тогда я предпочитаю оставаться тем, кто я есть, и не рисковать переменами, которые могут принести мне вред.

Я надеюсь, что итальянская молодежь, может быть, менее гуманная, но, конечно, более гуманная, чем мадзинистская школа, которая, кажется, изобрела *догму человечества* (*слово Божие*, как мы знаем) только для того, чтобы сделать пьедестал не для живого народа, а для *итальянского*, то есть мадзинистского *церкви-государства*, – я надеюсь, что эта молодежь, читая мои сочинения, не будет спрашивать, немецкие, французские, турецкие, русские, китайские, японские или итальянские мои мысли, а будет спрашивать, правильные они или неправильные. Это все, что ей нужно знать. Иначе это будет уже не молодость, а старость, не разум, покоряющий будущее, а рутинная

Italiana» когда-нибудь поймет это. Привычка – страшный деспот, а *Unità Italiana* настолько погрузилась в арифметику и логику теологии, что абсурд кажется ей естественным, а естественное – абсурдным. Ее болезнь почти неизлечима.

Поэтому если я сдержу свое слово, продемонстрировав, насколько смогу, что существование Бога несовместимо с существованием истинной морали и свободы (что я и попытаюсь сделать в оставшейся части этих статей), то это будет сделано не в надежде вылечить *Unità Italiana*. Мои статьи будут полезны только тем, чья кожа поражена этой ужасной теологической болезнью, традиционным проклятием человеческой истории, и кто гораздо менее религиозен, чем на самом деле. Эти люди, *далекие от любви к людям ради Бога*, цепляются за божественного автора не иначе, как потому, что считают его существование необходимым для спасения человека. Короче говоря, мои статьи будут полезны только тем, для кого религия – это не господствующая доктрина, не систематическая испорченность духа, а всего лишь отклонение любящего сердца, которое стремится к торжеству справедливости, свободы и человечности.

¹ Здесь в оригинале написано «продолжение следует», а за ним «Ответ Михаила Бакунина к l'UNITÀ ITALIANA. Продолжение»

II

Многие мои друзья советовали мне оставить в стороне все остальные вопросы и посвятить эту вторую статью исключительно антибожественным высказываниям, чтобы, по их словам, доказать публике, что я серьезно отнесся к своей задаче и что я действительно готов выполнить свое обещание. Сама *Unità Italiana*, с искренним ужасом процитировав антитеологический тезис, который я осмелился утверждать, возмущенно воскликнула: «Но где же его доказательства? Пусть он покажет нам критерий своих умозаключений! Господа, немного терпения. Невозможно одновременно заявить тезис и продемонстрировать его. Будьте уверены, что я не премину вскоре сообщить вам свой критерий и свои доказательства. Но, пожалуйста, предоставьте мне свободу развивать свои идеи так, как мне кажется наиболее подходящим для этой цели.

Вопреки мнению моих друзей, я считаю, что гораздо важнее ответить в первую очередь на нападки Мадзини на Интернационал. Эта ассоциация, будучи реальным и живым существом, должна иметь приоритет, в то время как Добрый Господь, будучи лишь воображаемой вещью, фиктивным существом, может подождать. С другой стороны, поскольку Интернационал по своей природе исключает идеализм, как метафизический, так и религиозный и политический, в то же время он утверждает позитивную науку, философию человечества, народную и социальную революцию, говоря о нем, я, естественно, приду к

демонстрации моих материалистических и атеистических принципов, которые так сильно оскорбили *«Unità Italiana»*.

Но не волнуйтесь. Я никогда не претендовал на то, чтобы быть изобретателем этих принципов. Они вырабатывались веками и были собраны в наши дни мощной рукой. Они проникли в массы, верно выражая их инстинкты, так что сегодня о них можно сказать, что они составляют всеобщее наследие. Вся моя заслуга, если она есть, заключается в том, что я осмелился выразить вслух, назвав вещи своими именами, чувства и мысли, которые все говорят в слух. В лагере демократии мы не знаем ни разобличителей, ни инициаторов, ни диктаторов, ни наставников, ни хозяев. Мы искренне верим в нравственные инстинкты каждого человека и стремимся разгадать их, вдохновиться ими и сформулировать их.

Я могу назвать только одну свою заслугу – то, что я глубоко убежден в правильности принципов, которые я имел смелость противопоставить религиозным убеждениям Мадзини.

Повторюсь: я не был рад ввязываться в эту полемику с великим итальянским агитатором.

Решившись на это, я повиновался чувству долга; но, приняв решение, я не сделаю ни шагу назад и не остановлюсь, пока не сделаю все возможное, чтобы разрушить до конца эти теории, которые, по моему глубокому убеждению, столь же ложны с точки зрения логики и положительной науки, сколь и катастрофичны в своем практическом применении.

Вряд ли я сочту нужным или полезным обращаться к *«Unità Italiana»* во второй раз. Я предполагаю обращаться непосредственно к ее Хозяину. Не то чтобы я плохо думал об этой уважаемой газете. Я признаю, что она предана, честна, последовательна и верна до абсурда. Но что я могу сказать ее редакции, если вместо того, чтобы объяснять